

УДК 821.161.1

*Е.А. Нечаева**

ПОЭЗИЯ «ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА» КАК НОВЫЙ ТИП ПОЙЕСИСА В РАБОТАХ Д. ПРИГОВА

Статья посвящена опыту рассмотрения поэзии Д. Пригова как пойсиса, который определяется не «метафизическим опытом» трансцендентного субъекта, а «гносеологическим опытом», результатом репрезентации неких эпистемологических процедур и манипулирования опытом «Другого-я». Устанавливается изоморфизм теорий Д. Пригова и Ф. Пессоа, позволяющий рассматривать субъект высказывания как метасубъект, осуществляющий гносеологическую игру с опытом «Другого-я».

Ключевые слова: Д. Пригов, проблема субъекта, проект, «персональный автор», концепция Ф. Пессоа, идентичность.

Научный этос, определяющий описание явления, не укладывающегося в существующую категориальную сетку, неизбежно ограничивает возможность разглядеть в нем нечто принципиально новое; так, традиционные категории поэтики и интерпретационные модели неприменимы для анализа творческого метасубъекта Д. Пригова. По Д. Пригову, поэзия, понимаемая как непосредственное выражение субъективного личного опыта индивидуального субъекта, эксплицирующегося в «исповедальном» дискурсе, — признак «культурной невменяемости» (понятие Д. Пригова) и попыток атрибутировать художнику статус демиурга, шамана, ест.

Московский концептуализм, напротив, исходил из априорной «проблематичности личного высказывания» [1, с. 86]. Ключевыми в работах Д. Пригова становятся понятия «планирования», «технологии», «механизма», свидетельствующие об изменениях в структуре эстетической деятельности и направленные на радикальное отделение автора от текста, фундирующее возможность «гносеологической игры», т. е. «познание познания»: «конструирование образа познания, <...> создание «портрета» его субъекта» [2, с. 212].

Д. Пригов формулирует понятие метафизического, или онтологического типа творчества [3, с. 106], в рамках которого эксплицируется «традиционная» исповедальная поэзия, где дистанция между автором и субъектом сознания, явленным в тексте, максимально элиминирована. Работа Д. Пригова, как представляется, направлена на репрезентацию абсолютно иного типа творчества и художественного поведения.

А. Скидан утверждал, что творчество Д. Пригова может быть рассмотрено как «новый вид пойсиса», который предполагает «инструментализацию поэтической техники, перенацеливание ее на метапоэтическое задание» [3, с. 123]. Продолжая высказанный Д. Приговым тезис о правомерности выделения «онтологического типа» творчества, мы склонны рассматривать работу Д. Пригова как такой тип пойсиса, кото-

* © Нечаева Е.А., 2017

Нечаева Екатерина Андреевна (ne4aevakaterina@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

рый фундируется не «метафизическим опытом» трансцендентного субъекта, а «гносеологическим опытом» как результатом репрезентации неких эпистемологических процедур, манипулирования опытом Другого. По утверждению Д. Пригова, его «муза» — муза не метафизики и не онтологии, а гносеологии» [4, с.211]. В интервью Д.Иоффе Д. Пригов продолжает настаивать, что угол зрения в его текстах смещен с онтологического статуса вещи на условия его познания, на гносеологический статус: «Я автор не метафизический и не описывающий онтологические основы бытия или даже языка. Я имею дело с эпистемологией» [5].

«Эпистемологическое основание» приговской поэзии проявляется в самом типе художественного акта как построения ПРОЕКТА; отдельные тексты аккумулируются общей «метатекстовой стратегией» [6, с. 192]. Также не вызывает сомнения «эпистемологическая основа» приговского творчества в аспекте статуса вещи: это убедительно показал Дж. Янчек, утверждая, что Д. Пригов «рассматривает предметы только в модусе социокультурной и эпистемологической проявленности, <...> не касаясь их метафизического, онтологического статуса» [3, с. 509].

Менее очевиден «портрет субъекта» гносеологической игры. По Б. Гройсу, в «классической ситуации» художник «стремится к самовыражению, <...> снять ситуацию отчуждения и пробиться к подлинности» [7, с. 28]. В ситуации, когда возможность личного высказывания априори проблематична, «отчуждение выступает как позитивная ценность и как источник возникновения художника-персонажа» [7, с. 28], некоей металичности, которая аккумулирует опыт Другого-я. Тогда, по И. Кабакову, «произведением <...> становится он сам, вся его деятельность в качестве персонажа, понимаемая как единое целое, как единый продукт всей его жизни. <...> Все это вместе направлено к единой цели: установлению знаменитого “идентите”» [8]. Невозможность отыскания *identitas* компенсируется допустимостью ее конструирования через «Я-Другое»: «я» может явить себя через «я», понятого как «Другой».

Отчужденность от «я», которая становится конструктивной для обретения идентичности через Другого посредством «проекта», в наибольшей степени укоренена в концепции Ф. Пессоа. Четырехуровневая концепция «мнимой личности» у Ф. Пессоа обнаруживает изоморфизм по отношению к четырехчастной уровневой концепции Д. Пригова: последним уровнем становится конструирование металичности, «мнимой личности», которая аккумулирует прочие идентичности (деперсонализация): автор отделяет себя от героя и выражает некий опыт как опыт «я» не ввиду того, что этот опыт был испытан, а потому что способен разобрать его механизм и эксплицировать его в виде объекта-текста: «Некие состояния души, осмысленные <...> и таким же образом прожитые, стянутся <...> для поэта в некую мнимую личность, которая могла бы искренне <...> вьяве пережить и прожить все это...» [9, с. 263] (ср.: «новую искренность» Д. Пригова).

Подобный тип идентификации приводит к усложнению субъектной сферы текста: каждый субъект сознания (нарратор) обладает подвижной, «текучей» идентичностью. Так, Д. Пригов — это и Пушкин, и Лермонтов, и Суворов: «*И вот сию здесь Пушкин я / Сию я Пригов возле моря / Я Лермонтов сию близ гор / С собой веду я разговоры / <...> Встречаю множество прохожих / Их Лермонтов я не люблю / Но Пушкин женщин здесь люблю*» [10, с. 22]. «Пушкин-я» и «Лермонтов-я» имеют идентичность, не совпадающую ни с «Пушкиным-в-себе», ни с «Лермонтовым-в-себе», ни с самим Приговым, однако субъект легко скользит от одного опыта к другому. (Ср. у В. Друка: «*и везувий — и /вергилий — я / и василий — я*» [11, с. 673]). Аналогично в тексте 49 Азбуки: «*Я — Фет! Я — Блок! <...> Я Гегель!*» [12].

Субъект — перефразируя Э. Левинаса — идентифицирует себя в различном как в самотождественном. С точки зрения И.П. Смирнова, который рассматривал поэтику

Д. Пригова в оптике теории Ж. Лакана, это свидетельствует о «шизоарциссизме, находящем «свое» в любом Другом» [3, с. 44], однако такой тип идентификации предполагает «неотличимость своего от чужого» [13, с. 300]. Однако именно осознанная дистанция между я и не-я и их дискурсивными моделями позволяет осуществлять стратегию мерцания, аккумулируя любой опыт (опыт «маленького советского человека», опыт мужчины, влюбленного в другого мужчину («Мой милый ласковый друг»), опыт малоизвестных публике поэтов («Неложные мотивы») ест., и этот опыт действительно окажется «неложным». Чтобы «мерцать», любая дискурсивная практика должна быть увидена как дискурс; аналогично, чтобы переживать опыт чужой идентичности, последняя должна быть увидена как «не-я».

Д. Пригов не репрезентирует, а деконструирует тип идентичности, которая не может вычлени себя от Другого-я. Текст «Пятидесятая азбука» выстроен как текст драматический, каждый персонаж маркирован цифрой; принципиальным является «несоответствие» между субъектом сознания, его голосом и персонажем: «212 Ах, ты, сволочь, опять пьяный! (не уходит, выходит 213) / 213 Это кто пьяный? (не уходит, а выходит 214) / 214 Ты! Зенки твои проклятые! (не уходит, выходит 215) / 215 А по морде хочешь? (не уходит, выходит 216) / 216 Хочу! Хочу!» [14, с. 334]. Реплики, формально соответствующие диалогу, рассеяны, «расщеплены» по множеству действующих лиц, причем прежний персонаж не уходит «со сцены», присоединяя к себе все новые и новые субъекты сознания. Каждый проходит процедуру пролиферации: когда появляется новый голос, прежний голос не исчезает, лишая прежний уникальной идентичности.

21-й персонаж эксплицирует понимание «я», которое можно интерпретировать и как потерю индивидуального начала во всеобщем, коллективном, и как предельное расширение границ индивидуальной идентичности: «Я — это и ты, и он, и они» [14, с. 330]. Резюмирует пролиферируемое разнообразие «я» 237-й персонаж: «Убирайтесь все из моего Я». «Я» всегда оказывается нагруженным «чужими я», диффузно переходящими в я-штрих. «Массовое появление» героев, обладающих «коллективным сознанием», скандирующих «Да здравствует!» с ремаркой «все встанут единым порывом», обозначено так, что любая идентичность стирается полностью: герои названы 100а, 100б, 100в ест.

По Э. Левинасу, «инаковость “я”, принимающего себя за другого, может поразить воображение поэта именно потому, что это лишь игра Самотождественного: отвержение “я” собой <...> является одним из модусов самоидентификации “я”» [19, с. 76].

Итак, «гносеологическая» база творчества Д. Пригова проявляется в метапоэтической задаче проекта ДАП, в том, как решена проблема статуса вещи, но главным образом в том, что художник-персонаж репрезентирует не собственный уникальный субъективный опыт, а находится в ситуации «гносеологической игры», манипулируя с опытом Другого-я, то есть «я», вернувшегося к себе как Другой.

Библиографический список

1. Балабанова И. Говорит Дмитрий Александрович Пригов. М.: ОГИ, 2001. 168 с.
2. Некрасов С., Клепацкий В. Игровое начало научного познания // Позиция. Философские проблемы науки и техники. М.: Московский государственный университет путей сообщения, 2012. С. 209–214.
3. Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов: сб. ст. и материалов / ред. Е. Добренко [и др.]; пер. с англ.: Г. Зеленина, Е. Канищева. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 778 с.
4. Пригов Д.А. Исчисления и установления. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 210–211.

5. Иоффе Д. Разговорный жанр житнетворчества (интервью с Д.А. Приговым) // Беседы Дениса Иоффе с деятелями культуры и искусства, созданные для литературно-философского журнала «Топос». URL: <http://topos.ru/article/1434> (дата обращения: 10.11.2016)
6. Монастырский А. Словарь терминов московской концептуальной школы. М.: AdMarginem, 1999. С. 224.
7. Кабаков И., Гройс Б. Диалоги. М.: Вологда, 2010. 360 с.
8. Кабаков И. О «Художнике-персонаже» // Зеркало. 2003. № 21–22.
9. Надъярных М. Протяженность смысла // «Автор как персонаж, или Опыт сочинения себя»: [круглый стол] / А. Уракова [и др.] // Иностранная литература. 2009. № 7. С. 251–271.
10. Пригов Д. Большое лиро-эпическое описание в 97 строк // Третья модернизация. М., 1993.
11. Друк В. Самиздат века / сост. А.И. Стреляный, Г.В. Сапгир, В.С. Бахтин [и др.]. Минск; М.: Полифакт, 1997. 1056 с.
12. Пригов Д. Азбуки // Буквы. URL: <http://prigov.ru/> (дата обращения: 10.11.2016)
13. Смирнов И.П. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Аксиома, Мирил, 1996. 336 с.
14. Пригов Д. Пятдесятая азбука // Часы. 1986. № 61. С. 327–343.
15. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / пер. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина. М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. 416 с.

References

1. Balabanova I. *Govorit Dmitrii Aleksandrovich Prigov* [Dmitry Aleksandrovich Prigov is speaking]. M. OGI, 2001. 168 p. [in Russian].
2. Nekrasov S., Klepatsky V. *Igrovoe nachalo nauchnogo poznaniia* [Game nature of scientific knowledge]. In: *Pozitsiia. Filosofskie problemy nauki i tekhniki* [Position. Philosophical problems of science and technology]. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniia, 2012. Pp. 209–214 [in Russian].
3. *Nekanonicheskie klassiki: Dmitrii Aleksandrovich Prigov: sb. st. i materialov. Red. E. Dobrenko [i dr.]; per. s angl.: G. Zelenina, E. Kanishcheva* [Non-canonical classic: Dmitry Prigov: collection of articles and materials: E. Dobrenko et al. [Eds.]; Trans. from English: D. Zelenin, E. Kanisheva]. M.: Novoe lit. obozrenie, 2010. 778 p. [in Russian].
4. Prigov D.A. *Ischisleniia i ustanovleniia* [Calculus and establishments]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. Pp. 210–211 [in Russian].
5. Joffe D. *Razgovornyi zhanr zhiznetvorchestva (interv'iu s D.A. Prigovym)* [Conversational genre of creative life (interview with D.A. Prigov)]. In: *Besedy Denisa Ioffe s deiateliami kul'tury i iskusstva, sozdannye dlia literaturno-filosofskogo zhurnala «Topos»* [Denis Joffe's conversations with workers of culture and art created for literary and philosophical journal «Topos»]. Retrieved from: <http://topos.ru/article/1434> (accessed: 10.11.2016) [in Russian].
6. Monastyrsky A. *Slovar' terminov moskovskoi kontseptual'noi shkoly* [Glossary of Moscow Conceptual School]. M.: AdMarginem, 1999. 224 p. [in Russian].
7. Kabakov I., Groys B. *Dialogi* [Dialogues]. M.: Vologda, 2010. 360 p. [in Russian].
8. Kabakov I. *O «Khudozhnike-personazhe»* [About «Artist-Character»]. In: *Zerkalo* [Mirror], no. 21–22, 2003 [in Russian].
9. Nadyarnyh M. *Protiazhennost' smysla* [The length of the sense]. In: *«Avtor kak personazh, ili Opyt sochineniia sebja»: [kruglyi stol]* [«The author as a character or the experience of working yourself»: [round table]]. In: *Inostrannaia literatura* [Foreign literature], 2009, no. 7, pp. 251–271 [in Russian].
10. Prigov D. *Bol'shoe liro-epicheskoe opisanie v 97 strok* [Great lyrico-epic description in 97 lines]. In: *Tret'ia modernizatsiia* [Third modernization]. M, 1993 [in Russian].
11. Druk V. *Samizdat veka. Sost. A.I. Strel'ianyi, G.V. Sapgir, V.S. Bakhtin, N.G. Ordynskii* [Samizdat of the century. Compilers A.I. Strelyanyy, G.V. Sapgir, V.S. Bakhtin, N.G. Ordynskiy]. Minsk; M.: Polifakt, 1997, 1056 p. [in Russian].
12. Prigov D. *Azbuki* [ABC]. In: *Bukvy* [Letters]. Retrieved from: <http://prigov.ru/> (accessed 10.11.2016) [in Russian].

13. Smirnov I. *Psikhodiakhronologika: Psikhistoriia russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei* [Psikhodiakhronologika: Psychohistory of the Russian literature from Romanticism up to the present days]. M.: Izd-vo Aksioma, Miril, 1996. 336 p. [in Russian].

14. Prigov D. *Piat'desiataia azbuka* [Fiftieth ABC]. In: *Chasy* [Watches], no. 61 (May–June, 1986), pp. 327–343 [in Russian].

15. Levinas E. *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe. Per. I.S. Vdovinoi, B.V. Dubina* [Selected works. Totality and infinite. Transl. by I.S. Vdovina, B.V. Dubin]. M.; SPb.: Kul'turnaia initsiativa: Universitetskaia kniga, 2000, 416 p. [in Russian].

*E.A. Nechaeva**

POETRY OF «EPISTEMOLOGICAL EXPERIMENT» AS A NEW TYPE OF POISIS IN D. PRIGOV'S WORKS

The article is dedicated to D. Prigov's works as a type of Poisis which is substantiated not by «metaphysical experience» of the transcendental subject, but by the «epistemological experience», as a result of representation of epistemological procedures and manipulation of experience of an «alter ego». An isomorphism between D. Prigov and F. Pessoa's theories was shown, it allows us to consider the subject of the text as a metasubject which performs the epistemological game with the experience of an «alter ego».

Key words: D. Prigov, problem of the subject, project, «Author-Character», concept by F. Pessoa, identity.

Статья поступила в редакцию 11/XII/2016.

The article received 11/XII/2016.

* *Nechaeva Ekaterina Andreevna* (ne4aevakaterina@yandex.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.